

Фамильярная одежда Си Ушэ и его фигура, запечатлевшаяся в памяти Хуа Чжао до мельчайших деталей, не оставляли сомнений.

— Второй старший братец? — Хуа Чжао шагнула к лежащему на полу мужчине.

Скукожившись на земле, калачиком свернулся не кто иной, как Си Ушэ, её второй старший братец.

Не видевшись долгие годы, Хуа Чжао на мгновение даже задержала дыхание. В прошлой жизни она прожила более четырёхсот тридцати лет, но накопила недостаточно сил в Золотом Ядре и при Формировании Зарождающейся Души не смогла вынести закалки Небесной Кары, обратившись в пепел.

После смерти небеса сжалились над ней, и она провела неизвестно сколько времени в белоснежной пустоте. И в этой бесконечной пустоте...

Если и был кто-то, кого она не могла забыть и отпустить, то согбенный, терпящий боль мужчина на земле — Си Ушэ — несомненно, являлся одним из них.

Оглядываясь на всю свою жизнь, она понимала: это тот самый человек, за которого она больше всего жалела, что не ухватила!

Лишь после смерти Хуа Чжао осознала, что мир, в котором она жила, — это книжонка о восхождении в бессмертные, где главным героем выступал её младший соученик Се Фу.

Сама же она была лишь одной из жён в гареме Се Фу из этой книжонки — бесполезной марионеткой с мышлением святоши, предназначенной для продвижения сюжета.

Хуа Чжао очнулась от долгого сна и в абсолютной пустоте обрела просветление духа.

Оглядываясь на прожитую жизнь, она понимала: единственные хорошие дни, что ей выпали, — это время, когда её похитил второй старший братец, который после ухода в марив повсюду шёл против Се Фу.

В те дни ей не нужно было тащить на себе титул «главной госпожи» Се Фу и разгребать трения между бесчисленными красавицами из его бесконечного гарема; не нужно было помогать Се Фу управлять объединенным миром людей, демонов и расы демонов, где то и дело вспыхивали беспорядки; не нужно было целыми днями творить добро и накапливать заслуги, сегодня жалея один клан, завтра сочувствуя какому-нибудь слабому существу, и спасать каждого встречного, изнуряя себя до состояния собаки.

В те дни, когда Си Ушэ запер её в Сфере Демонов, не было нужды даже пальцем о палец ударять: еда сама шла в рот, кровать была мягкой и высокой, а ноги не касались земли. И пусть Сфера Демонов с её багровой луной на небе не баловала солнечным светом, Хуа Чжао по крайней мере могла спать сколько влезет и есть сладости до боли в челюстях.

К тому же обратившийся демоном второй старший братец по-прежнему относился к ней с почтением. Он никогда не использовал её, чтобы принудить Се Фу к уступкам, — Хуа Чжао там буквально наслаждалась старостью!

Бесчисленное множество раз в своей пустоте вспоминала она, как тогда сговорилась с культиваторами ма, замышляя государственный переворот, и тяжело ранила Си Ушэ, бывшего к тому моменту уже Повелителем демонов, — и всё ради того, чтобы вернуться к младшему

соученику Се Фу. Как же сильно она теперь об этом жалела!

Вырвавшись из оков так называемого «амплуа», Хуа Чжао поняла, насколько неблагодарной она тогда была.

Молоденькая девушка — откуда ей было знать вкус халявной жизни?

Подавив волнение от новой встречи с Си Ушэ, Хуа Чжао подошла к потерявшему сознание мужчине, прижала два пальца к его пульсу, направляя духовную силу... и её брови тут же взметнулись вверх.

Она собиралась проверить его раны — кому, как не Хуа Чжао, было знать, что при активации Колокол Подавления Духа начинает стихийное поглощение всего вокруг. И речь шла не только о сломанной мебели в комнате, но и о самом Си Ушэ.

Его меридианы были пусты точно так же, как и её, — судя по всему, Колокол Подавления Духа в порыве своей неистовой мощи испил его до дна.

Однако брови Хуа Чжао взлетели не из-за того, что Си Ушэ едва не высушили досуха, а потому, что в его теле обнаружилось чужеродное демоническое колдовство.

Это были Миазмы Страсти Цветочного Демона Яоби.

В этот момент снаружи раздался треск, и громовой раскат вместе со вспышкой молнии ударил прямо у окна. Хуа Чжао прищурила свои влажные глазки, наконец-то сообразив, что это за «поворот сюжета».

Она взглянула на зажатый в собственной руке духовный артефакт — Колокол Подавления Духа — и вспомнила ту ночь с проливным дождём, что случилась больше четырёхсот лет назад.

Это был переломный момент в судьбе каждого из них.

В те времена и сама Хуа Чжао, и младший соученик Се Фу, едва ли десять лет назад ступивший на порог секты, были лишь самыми зелеными и слабыми культиваторами секточки Цинлин.

Секта Цинлин тогда ещё не гремела на весь мир бессмертных и не претендовала на звание главы праведных обителей, представляя собой захудалый орден меча третьего сорта.

Ради укрепления позиций Секта Меча Цинлин даже набирала всякий сброд, чем вызывала презрение влиятельных крупных сект. Хотя она и звалась орденом меча, на деле там практиковали всё подряд.

Ученики секты то и дело сбивались в группы, чтобы спускаться с гор и истреблять нечисть; возглавляли вылазки адепты из Зала Правосудия, а слабейшие плелись хвостом просто ради опыта.

Подобных вылазок было так много, что Хуа Чжао уже не могла вспомнить точное число, но эту конкретную запомнила накрепко.

Потому что тогда отряд вёл второй старший братец Си Ушэ, а целью их похода было истребление Цветочного демона Яоби, что скрывался в горах и пил человеческую жизненную силу.

И хотя боевая мощь цветочных демонов была невелика, их колдовство отличалось особой

грязью: они выпускали пудру, вызывающую страсть, от которой было невозможно избавиться, если она попадала на тело, а также умели возводить целые слои миазмов при помощи ветра и тумана.

Тогда они увернулись от порошковой пыли, но не смогли миновать миазмы. Си Ушэ, спасая младших соучеников, развернул щит из духовной энергии, чтобы оградить их от ядовитой дымки, но по неосторожности сам вдохнул её, из-за чего пал жертвой Миазмов Страсти.

Эти миазмы доводят скрытые желания человека до абсолютного предела — такова была ядовитая месть цветочного демона перед смертью.

Будучи старшим учеником и главой Зала Правосудия, Си Ушэ всегда отличался суровостью, не терпел улыбок и держал себя в строжайших руках. В секте не было ученика, который не боялся бы его, и едва ли нашлось бы хоть несколько человек, кого он хотя бы раз не наказал. Но никто не знал, что он тайком был влюблен в Хуа Чжао. Охваченный бушующей волной желания после отравления миазмами, он долго сопротивлялся, но в конце концов потерял рассудок и уволок спавшую Хуа Чжао к себе в покои... едва не совершив непоправимое.

Хуа Чжао вспомнила, как обнаружила, что потерявший рассудок Си Ушэ пытается её обесчестить. Смертельно перепуганная, она завопила во всё горло, напрочь забыв позвать на помощь остальных соучеников, и, не дожидаясь, пока Си Ушэ хоть что-то сделает, поддалась всплеску панической духовной силы. Активировав данный наставником Колокол Подавления Духа, она нанесла Си Ушэ тяжёлые увечья.

Этот артефакт был выдан учителем специально для борьбы с великими демонами и чудищами, а уровень культивации Си Ушэ в ту пору едва достиг жалкой третьей ступени Закладки Основания — он был до жалости зелен.

Сотрясённые таким артефактом меридианы и внутренние органы оказались разрушены, и он пролежал в постели без движения целых пять с лишним лет. Былая культивация в одно мгновение обратилась в прах, в душе скопилась тяжесть неразрешимой тоски, расцвели демоны сердца, и в конце концов учитель махнул на него рукой, оставив доживать в горах в ожидании пяти увяданий небесного человека.

Как раз в те дни секта подверглась прорыву демонической расы, воспользовавшейся слабостью горной формации. Си Ушэ не смог оказать сопротивления и был похищен культиваторами ма.

Хуа Чжао не ведала, почему демоны не сожрали его живьём, а вместо этого позволили встать на путь марива, но именно тогда он действительно ступил на тёмную дорожку без возврата.

Впоследствии Си Ушэ преуспел в мариве, его характер полностью исказился, он восстал против праведного пути и долгие годы вёл кровавую вражду с Се Фу — главным героем той книжонки. В конце концов его совместными усилиями уничтожили мир бессмертных, раса демонов и даже те самые демоны ма, что подчинялись ему. Умер он ужасной смертью.

Размышляя о прошлом, Хуа Чжао нахмурилась и сокрушённо потёрла лицо.

Находящийся на полу Си Ушэ и так соображал с трудом, а после удара колоколом окончательно лишился и разума, и способности «творить зло». Сейчас он лишь инстинктивно обхватил себя руками, из последних сил преодолевая обратное действие миазмов.

Опустившись перед ним на колени, Хуа Чжао некоторое время молча разглядывала его, опустив взгляд.

Затем она подняла руку, порылась в сумке для хранения и нащупала фарфоровый пузырёк с целебными пилюлями — высокоранговым лекарством, выданным учителем перед спусканием с гор.

Сняв с лица Си Ушэ маску, которую он носил круглый год, она разжала ему челюсти и разом высыпала в рот целый горшок исцеляющих пилюль.

После этого она поднялась, обошла комнату с инспекцией, наложила несколько запретов на уцелевшие двери и окна и принялась застилать кровать.

Застилая постель, Хуа Чжао даже напевала себе под нос, пребывая в превосходном настроении.

Небесный Путь и впрямь любил и жалел её, раз забросил аккуратно в эту точку сюжета. Истинно говорят: не трать обувь на поиски того, что само идёт в руки!

В прошлой жизни Хуа Чжао вышла замуж за Се Фу и стала его женой, в то время как Си Ушэ молча любил её столько лет, даже похитил, уже свернув на путь мариива и полностью переменившись в характере, но лишь ублажал её заботой и тайком приходил полюбоваться. Благодаря этому Хуа Чжао прожила довольно долгий счастливый отрезок времени.

Пусть даже то, что Си Ушэ любил жену другого и шёл против любимца судьбы Се Фу, было лишь прихотью книжного сюжета, но раз уж всё решал сюжет, грех было им не воспользоваться!

Сейчас ещё ничего не произошло: Си Ушэ — по-прежнему старший ученик и глава Зала Правосудия праведной секты, озарённый славой и с бескрайними перспективами впереди. Если она выберет его прямо сейчас, неужто он не станет носить её на руках?

Переродившись, Хуа Чжао давно смотрела сквозь пальцы на всякие великие пути к бессмертию. О Формировании Зарождающейся Души нечего было и думать: с её-то жалкими способностями — и метить в Зарождающуюся Душу? Каково это — обратиться в пепел под громовой карой, чем это отличается от четвертования и смертной казни через тысячу разрезов?

Не говоря уже о том, что выше Стадии Зарождающейся Души лежали Стадия Превращения Божества, Стадия Скорби и прочие недостижимые ступени.

В этой жизни ей хотелось лишь прожить несколько спокойных деньков в своё удовольствие, отсчитывая отмеренные годы. Раз уж крепкое мужское плечо само подвернулось под нос, упускать его было бы глупо.

Эту миску дармовой похлёбки я выпью первой за ваше здоровье! (3)

Пусть даже в конце концов Си Ушэ, не совладав с сюжетом, уйдёт в мариив, но если между ними возникнет близость, он всё равно окружит её комфортом и уютом.

Закончив застилать кровать, Хуа Чжао услышала позади какое-то движение.

Целебные пилюли обладали первоклассным эффектом, но против злого колдовства Миазмов Страсти они были бессильны. Вдобавок к этому бушующий жар от высокоранговых лекарств хлынул в кровь, и Си Ушэ поднялся с пола, совершенно одурманенный, не различая ни дня, ни ночи, не понимая, какой ныне день.

В его груди полыхало пламя, застилая зрение пеленой. Огонь этот походил на раскалённую магму, которая текла по всем его конечностям, по всем чудесным меридианам, собираясь внизу живота и грозя превратить его в уголь.

Миазмы Страсти доводили собственные желания до абсолютного предела — иными словами, для избавления требовался тот самый источник, что пробудил эти желания, лишь он мог унять муки палящей страсти.

В его глазах, некогда чистых как гладкий нефрит, проступила густая сетка кровавых жил. Но когда он увидел источник своих желаний, сияющий очаровательной улыбкой прямо у кровати, остатки его рассудка окончательно обратились в пепел.

Тем не менее, благодаря непостижимому упорству воли и заложенной в самую кость выдержке, он сумел выцедить из хаоса в голове крошечную искру ясного сознания. На мгновение он лишь тяжело задышал на месте, впившись взглядом в Хуа Чжао, и не смел сдвинуться с места ни на шаг. Его маска слетела, и сейчас, если не считать налитых кровью глаз и некоторой потрепанности в одежде, в нем совершенно не было заметно безумия.

У него были невероятно узкие, раскосые лисьи глаза, взметнувшиеся к вискам брови и длинные брови, уходящие в волосы на висках. Подобная внешность должна была выглядеть чрезвычайно соблазнительной, но светлые, похожие на гладкое стекло зрачки и прямой, мужественный нос полностью смывали эту приторную лисью хитрость.

Вдобавок к этому его собственный суровый и пронзительный нрав придавал такому разрезу глаз такую острую колючесть, что на него едва решались смотреть в упор.

А поскольку он круглый год служил в Зале Правосудия и никогда не шел на сделки с совестью, а дерзнувшие нарушить правила секты ученики не выходили из Зала Правосудия, не лишившись живого места на коже, он и впрямь был зловещим асурой, которого до смерти боялись все ученики на горе Цинлин.

В прошлом Хуа Чжао тоже безумно боялась его.

Если мужчина держался чуточку холодновато и строго, но при этом обладал смазливой мордашкой и способностями, он вполне мог нравиться девушкам. Но когда перед глазами вставал такой человек, как Ши Ушэ, — сущий живой Яма, неподкупный и безжалостный, — каждый предпочел бы держаться от него подальше.

По сравнению с ним Се Фу, с его благопристойным и мягким нравом благородного мужа, чей прекрасный лик лишь начинал сиять на небосводе, являлся истинным предметом воздыханий для женщин-практикующих и желанным другом для мужчин.

Тогда Хуа Чжао, как и все остальные, боялась Ши Ушэ и питала к нему отвращение. Теперь же, вспоминая об этом, она понимала: всё это происходило лишь из-за ее юности и глупости. Се Фу был одновременно донельзя влюбчивым и донельзя безжалостным. Разве можно было ожидать хорошей жизни рядом с таким человеком?

Если бы тогда она не сбежала от Ши Ушэ, разве её последующая жизнь не была бы просто райской?

В этой жизни, какими бы средствами ни пришлось воспользоваться, она непременно должна жить свободно и привольно!

Поэтому, когда Ши Ушэ, едва удерживая на волоске остатки рассудка, боролся с собственными инстинктами, боролся с проникшими до мозга костей и самой души Миазмами Страсти, до крови прокусив щеки и губы, так что из уголков рта текла алая кровь, и всё равно не желал оскорбить младшую соученицу, к которой втайне питал нежные чувства...

Хуа Чжао бросила на пол свой пояс вместе с Колоколом Подавления Духа.

Её юбка распахнулась, и ярко-красное нижнее белье вспыхнуло, словно распустившийся алый лотос Кармического Пламени.

Она с улыбкой посмотрела на Ши Ушэ, взметнулась на ложе и приняла соблазнительную позу, подчёркивающую изгибы её изящного тела. Маняще поманив пальцем Ши Ушэ, который уже был не в силах удерживать крохотную нить рассудка, она произнесла:

— Иди сюда.

Глава 2. Умысел

Хрупкая нить рассудка, которую Ши Ушэ удерживал с таким трудом, в этот миг оборвалась от одного лишь жеста Хуа Чжао.

Словно хищный зверь, бросившийся на добычу, он в одно мгновение преодолел разделявшее их расстояние и рухнул на ложе, наотмашь сбивая свою добычу. А «добыча», которая по идее должна была дрожать от страха, задрала изящную белую шейку, легко улыбнулась и плеснула в раскаленное масло еще ковш холодной воды, смело подняв руки и обхватив Ши Ушэ за шею.

В то же время Хуа Чжао перевернула левое запястье и взглянула на бутон Печати лотоса на внутренней стороне руки. Заметив, что тот не выказывает признаков увядания, она улыбнулась еще шире.

Эта Печать лотоса была знаком заслуг, оставленным ей Небесным Путем после перерождения. Ее жизнь и судьба были тесно связаны с этим еще не распустившимся лотосом: увядание бутона символизировало уходящую жизненную силу, а его цветение — ее расцвет.

Хотя ей посчастливилось переродиться, это вовсе не значило, что она могла творить все, что заблагорассудится. Она не имела права нарушать ход течения мира и противостоять ему целиком, а Печать лотоса как раз служила линейкой, удерживающей ее от пересечения границ дозволенного.

Однако сейчас было очевидно: хотя она и собралась предаться распутству с Ши Ушэ, Печать лотоса оставалась абсолютно неподвижной. По всей видимости, связь ее — будущей главной жены Сына Небесного Пути — с будущим Повелителем демонов не считалась нарушением, влияющим на судьбы мира.

Хуа Чжао притянула шею Ши Ушэ ниже и провела пальцем по его крепко сжатым губам. У него была прекрасная форма губ: четкий изгиб, ярко-алый цвет и удивительная мягкость.

Даже зайдя так далеко, он все еще боролся с собой и сдерживался. Хуа Чжао стерла кровь, которая текла из прокушенных им самим губ и языка в уголок рта, затем разжала его крепко сомкнутые челюсти, подалась ближе, и ее дыхание едва коснулось приоткрытой против воли щели губ.

Его кончик языка алел с такой жгучей яркостью, словно приоткрытая створка морской раковины.

Хуа Чжао, прищурившись, в упор разглядывала этот манящий алый огонек. Голос ее звучал в привычной неторопливой и размеренной манере, мягко, словно журчание теплого источника, омывающего барабанные перепонки:

— Второй старший братец, неужели ты не умеешь?

С улыбкой Хуа Чжао сократила расстояние, пока их сбивчивое дыхание не переплелось и не слилось воедино, и первой подалась вперед, впившись поцелуем в уже полностью сломленные губы Ши Ушэ.

Гулкий раскат грома вместе с последней нитью ясности в разуме Ши Ушэ был безжалостно рассечен пронзительной молнией — будто лопнула натянутая струна, будто разверзлись горные хребты.

Он опустил голову, обеими руками обхватил лицо Хуа Чжао и, потеряв контроль, ответил на поцелуй.

У кровати в этой комнате не было полов, и темнота скрывала все море безудержной страсти и плотских желаний.

Лишь бушующая гроза июльской полуночной жары за окном продолжала безумствовать, яростно терзая всё вокруг — то ли предупреждая об этой извращенной связи, то ли празднуя триумф великого перерождения. Вспышка молнии рассекла ночное небо, разорвав горизонт. Черные волосы сплелись с темными прядями, выгнутая спина походила на натянутый до предела лук, а взкинутая шея напоминала умирающего белого журавля.

Похотливые желания, порожденные Миазмами Страсти, нашли выход в этом распутстве. Любовная страсть вместе с затихающей и удаляющейся за окном грозой бесшумно угасла перед самым рассветом.

В прошлой жизни Хуа Чжао погибла под ударами Громовой Кары, обладая при этом уровнем культивации Золотое Ядро — завершение. Хотя она и была занята спасением простых смертных и почти не уделяла времени тренировкам, между тем уровнем Золотого Ядра и ее

нынешней Стадией Очищения Ци лежала пропасть, не уступающая расстоянию между небом и землей.

Хотя она уже давно не была наивной девчонкой, ничего не смыслящей в плотских утехах, и прекрасно понимала, как получить удовольствие в постели, она все равно чувствовала, что у нее едва хватает сил.

Оказавшись в постели, Ши Ушэ вел себя словно свирепый тигр или голодный волк, готовый разорвать человека на куски. Обнимая влажную спину Ши Ушэ, Хуа Чжао отстраненно подумала: и правда, никаких хитростей — сплошные чувства.

Глубокой ночью Хуа Чжао сполна ощутила всю силу подавляемых и сдерживаемых Ши Ушэ бурных чувств к ней.

Столь обильных, что они переливались через край, и настолько страстных, что они обжигали.

В прошлой жизни Ши Ушэ никогда не признавался Хуа Чжао в любви, и они даже почти не пересекались. За те недолгочисленные раза, что они вместе отправлялись на закалку опыта, Хуа Чжао обращалась к нему, но он даже не удостоивался поднять на нее взгляд. Однако после того, как он заразился Миазмами Страсти, единственной, кого он жаждал, была она. Даже когда его меридианы разорвало от тяжелейших ран, из-за чего он целых пять лет был прикован к постели, он не затаил на нее ни единой обиды.

Позже, встав на путь демона и начав противостоять Се Фу, он подстерег момент, чтобы похитить ее и заточить, но после того, как она тяжело ранила его и сбежала, он так же не стал искать мести.

И даже в тот раз, когда люди, демоны и раса демонов объединились, чтобы раскинуть против него всеобъемлющую сеть ловушек, Хуа Чжао, бывшая тогда императрицей трех миров, лично отправила ему духовную птицу с посланием, назначила встречу и заманила в ловушку.

После смерти Хуа Чжао в мире ничтожности наблюдала за Ши Ушэ со стороны, глазами постороннего человека. Даже зная, что во всем виноваты лишь превратности сюжета, ей было трудно не поразиться той любви Ши Ушэ — глубокой, как темная бездна океана, и густой, ядовитой и кроваво-красной.

В мире смертных есть слащавое изречение: если возлюбленная поднесет чашу своей нежной рукой, разве не испьешь отравленное вино с улыбкой?

Тогда, послушавшись Се Фу, Хуа Чжао отправила Ши Ушэ письмо с приглашением на встречу и расставила западню, хотя на самом деле никогда не верила, что Ши Ушэ придет.

Стоит ли говорить, что за всю прошлую жизнь Хуа Чжао и Ши Ушэ обменялись лишь горсткой слов — их можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Только безумец мог клюнуть на такую удочку.

Однако Ши Ушэ пришел, проявив какую-то трогательную и безрассудную наивность. Только ради этого, даже если по законам сюжета он был обречен любить ее до смерти, в этой жизни

Хуа Чжао была полна решимости сделать так, чтобы его желание исполнилось.

Однако... в этот момент Хуа Чжао уже в бесчисленный раз ударилась головой о изголовье кровати, отчего макушка онемела от боли. Она чувствовала себя человеком, брошенным в раскаленную лаву: набравшись храбрости, чтобы пойти на верную смерть, она теперь невыносимо страдала от этого жара.

Так продолжаться не могло. Если позволить Ши Ушэ и дальше бесчинствовать до полного удовлетворения, то к завтрашнему утру на ее плечах вырастет вторая голова.

Поэтому Хуа Чжао, обняв Ши Ушэ, украдкой сложила пальцы в печати у него за спиной. Прошептав едва слышное заклинание, она собрала всю духовную силу и ударила его прямо по затылку, пока тот ничего не подозревал.

Ши Ушэ тяжело рухнул, и Хуа Чжао едва успела подхватить его. Вся в поту, она повернула голову и посмотрела на его лицо — он был без сознания.

Хуа Чжао еще никогда не видела Ши Ушэ так близко. Его черты лица были невероятно изысканными. Из-за того, что он всегда был суровым, упрямым и лишенным улыбки, в его облике сквозила скрытая жестокость, а светлый, необычный для людей оттенок радужки лишь добавлял ему холодности и остроты.

Теперь же, когда его глаза были закрыты, он выглядел совершенно безобидно. Длинные, изогнутые веки, сходящиеся в тонкую линию у внешних уголков глаз, наконец проявили в его облике отчетливые черты обольстительного лиса. Темные волосы, прилипшие к мокрой от пота шее и щекам, делали его похожим на спящего в глубинах вод Морского демона.

Хуа Чжао некоторое время разглядывала его, затем отодвинула в сторону, села, плотно сжала ноги и потеряла ушибленную голову.

Больно.

Разве мог такой человек, как Ши Ушэ, совершенно не знающий страсти, понимать, что такое нежность и бережное отношение?

Впрочем, боль — это хорошо. Лишь живой человек способен чувствовать боль, а она сейчас была по-настоящему живой!

Вспомнив об этом, Хуа Чжао снова улыбнулась. Она была очень хороша собой, хотя в мире культивации и не было недостатка в красавцах и красавицах — яркие, словно весенний цвет, мужчины и женщины могли вскружить голову любому.

Хуа Чжао не обладала ослепительной, броской красотой; ее внешность располагала к себе,

заставляя людей невольно терять бдительность. Мягкие черты лица, кроткий нрав, а когда она улыбалась, ее глаза, подобные молодым месяцам, начинали искриться светом. Даже если бы перед ней стоял злой дух, встретив этот взгляд, он наверняка бы смягчился.

Улыбаясь, она наложила очищающее заклинание на себя и на Ши Ушэ, чтобы хоть немного привести их в порядок. Одежду, в которой она пришла прошлой ночью, надевать не стала: та была испачкана, порвана и валялась на полу, окончательно придя в негодность.

<http://bllate.org/book/22424/2354328>